

Б. Суворин

Фазан

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С89

С89 **Суворин Б.**
Фазан / Б. Суворин – М.: Книга по Требованию, 2019. – 269 с.

ISBN 978-5-8850-1465-6

ISBN 978-5-8850-1465-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЧАСТЬ I

Глава I.

Только что прошелъ дождь, непохожій на осенній, а скорѣй похожій на тѣ лѣтніе или весенніе дожди, которые падаютъ съ неба, точно вырвавшись изъ облака, какъ счастливыя ребятишки выбѣгаютъ изъ школы на улицу.

Луна, окруженная разорванными облаками, тихо поплыла надъ старенькимъ затихшимъ городкомъ, и безъ того пустынная улицы Provins въ этотъ часъ, стали еще пустыннѣе. Дождь точно вымылъ всю живую жизнь и оставилъ лишь то, что раньше было — узкія улицы, старыя церкви, башни и успокоительный бой часовъ.

Большая комната съ красивымъ каминомъ съ лампочкой, потерявшей въ облакѣ дыма, и покатымъ каменнымъ поломъ, была грустной и тоже далекой отъ жизни. Въ гостиницѣ не было никакихъ шумовъ, и послѣдній автомобиль съ очкастыми туристами уѣхалъ часъ тому назадъ.

Потянуло на воздухъ, въ тишину стараго города.

Вересковъ открылъ окно, откуда потекли табачные дымки, посмотрѣлъ на луну, на столъ, забросанный бумагами и газетами, и вышелъ.

Вдоль дверей въ коридоръ тянулись парами туфли, башмаки и даже ботфорты со шпорами. На улицѣ его какъ будто привѣтствовалъ бой часовъ съ башни, и нѣсколько другихъ звоновъ разнесли извѣстіе о томъ, что еще одинъ часъ ушелъ въ вѣчность.

«Вотъ Эйнштейнъ пишетъ объ относительности», мелькнуло у него въ головѣ, «а не все ли равно это, относительно ли часы, когда звонъ ихъ такъ мягокъ и подходитъ къ обстановкѣ. Вѣроятно, все относительно и то, что завтра можетъ быть, тоже относительно».

Гулко раздалися шаги его по узкой улицѣ, когда онъ подходилъ къ старой, точно вросшей въ землю церкви святого Айуля. Почему больше нѣтъ этихъ именъ? Вотъ вокругъ этого самаго Provins есть прелестныя церкви St. Loup — св. Волка, есть источникъ св. Эдма. Какъ могли затеряться эти имена? Революція не пожалѣла каменнаго убора стараго портала и разгромила его. Длинные, обезображенные тѣла каменныхъ святыхъ, удлиненные, какъ этого требовало старое искусство, были неузнаваемы даже для знатока. Одинъ святой былъ безъ головы и держалъ, очевидно, когда-то ее въ своихъ рукахъ, но и ее тоже выбила изъ его каменныхъ рукъ разгулявшаяся чернь.

Въ маленькомъ быстро горѣлъ огонь, и нѣсколько итальянскихъ рабочихъ пили и тараторили съ необычайной быстротой. На стѣнкѣ висѣлъ какой то плакатъ съ серпомъ и молотомъ.

Бѣдный Provins, бѣдные St. Loup и St. Ayoul! Гдѣ же имъ найти теперь пристанище!

Улица подымалась въ гору. Луна свѣтила ровно и облака точно давали ей дорогу. На горѣ стоялъ другой святой — St. Quiriace, «Св. Кириакъ», подумалъ почему то въ первый разъ Вересковъ. «Кажется онъ и Улита покровительствуютъ семейному счастью».

И онъ улыбнулся, такъ какъ мысли его были далеки отъ семейнаго счастья.

Напротивъ большой, внушительной при лунномъ свѣтѣ, на некрасивой церкви подымалась башня Пезаря — прекрасная башня, выдавшая столько боевъ и осадъ, а вокругъ верхняго города шли высокія стѣны.

По знакомой тропинкѣ Вересковъ пришелъ къ большой брешу, оставшейся со временъ англо-французскихъ

войнѣ. Онъ сѣлъ и закурилъ. Подъ нимъ былъ глубокій ровъ и на другой сторонѣ высокія деревья.

Набѣжало облако, подулъ вѣтерокъ и зашумѣли осеннимъ шумомъ деревья. Луна вновь разогнала завѣсу и освѣтила, плавно, какъ аэропланъ, спускавшіеся въ ровъ, большіе листья клена...

На башню запрещено подыматься (но что запрещено въ одиннадцатомъ часу вечера?), и Вересковъ взобрался на нее. Напротивъ было кладбище и вправо внизъ уходили старыя стѣны. «Какъ у насъ въ Изборскѣ или Копорьѣ», — думалъ онъ.

«Да, но завтра, что будетъ завтра?», и онъ посмотрѣлъ на бѣлое полотнище шоссе, идущее въ Парижъ.

Вотъ завтра по этому шоссе должна она пріѣхать, и онъ испугался за свой любимый Provins, за эти стѣны, за св. Кирыяка и Айюля. А вдругъ вся эта обстановка ничего не скажетъ? Ничего не останется кромѣ сомнительной сантиментальности и шелканія затворомъ Кодака.

Глупо устраивать обстановку да при этомъ средне-вѣковую съ башнями, рвами, старыми церквями... Точно нужна декорация. И онъ вспомнилъ послѣднюю встрѣчу въ хорошемъ переполненномъ барѣ.

«Un royal, un! Un imperial, un!» кричали кассиршѣ лакеи въ бѣлыхъ пиджакахъ.

Да, тамъ было гораздо естественнѣе, а эти рвы и средне-вѣковье да, можетъ быть, плохой обѣдъ въ старой гостиницѣ покажутся ненужной фальшью. Ему сдѣлалось стыдно за старый декоративный Provins и захотѣлось уйти поскорѣе «отъ этого кинематографа».

Онъ живо спустился съ башни. Какой то звѣрекъ шелестнулъ по опавшимъ листьямъ, и вновь нашла туча.

Декорация пропала, и онъ заторопился домой въ

свой номеръ, къ своимъ мыслямъ. Стѣны и башни ушли въ темноту, онъ выбрался на площадь и по лѣстницѣ, торопясь, сталъ спускаться въ тихій городокъ, когда уже начинался дождь.

Небо быстро заволокло и улицы были мокрые. Мелкій осенній безнадежный, на этотъ разъ, дождь поливалъ узкія улицы и скучные темные дома. Незамѣтно Вересковъ ускорилъ шаги.

— Я люблю дождь, люблю его тихую грусть. Но опять мысль о томъ, что будетъ завтра?

Дождь, тоска въ старомъ городѣ, никуда не пойти и сидѣть въ этой скучнѣйшей гостиницѣ.

Нѣтъ, это, дѣйствительно, было глупо и совершенно не нужно. Въ лучшемъ случаѣ придется разыгрывать роль влюбленнаго Куковского гида..

— Я васъ люблю, а вотъ эта церковь построена при Робертѣ, герцогѣ Шампанскомъ, и вотъ въ этой башнѣ сидѣлъ Дюгекленъ, хотя я знаю, что все это вамъ скучно.

Все это необычайно и глупо и пошло. Впрочемъ, если такая погода будетъ, то они не пріѣдутъ, и это будетъ къ лучшему.

Онъ вошелъ въ гостиницу съ пріѣхавшими съ послѣднимъ поѣздомъ. Толстый комми-вожатеръ, который закрылъ зонтикъ чуть ли не въ самой передней, говорилъ съ сонной дѣвушкой.

— У насъ есть одна комната, но дорогая. Всѣ остальные заняты.

— Этого не хватало — подумалъ Вересковъ, — и комнатъ не будетъ. Какъ все я глупо выдумалъ.

И вдругъ мысль, которой онъ улыбнулся, пронеслась въ мозгъ.

— А можетъ быть, такъ лучше. Ничего не выйдетъ — разочарованіе и больше ничего. Можетъ быть, это лучше. Вѣдь все относительно, и не будетъ осложненія жизни, и будетъ тишина.

По коридору онъ шелъ почти довольный. У одной изъ дверей стояли дамскіе башмаки и мужскіе. Онъ вспом-

нилъ обѣдавшихъ сегодня и подумалъ «Ахъ да, эта влюбленная пара».

Какъ глупо, какъ пошло, и какое мнѣ до этого дѣло и, снимая башмаки и ставя ихъ у дверей, онъ вдругъ подумалъ, что и около его башмаковъ могли бы стоять другіе. Нѣтъ, спать скорѣе. Онъ зажегъ свѣчку, выпилъ стаканъ вина потрогалъ свои бумаги, раздѣлся, легъ, всталъ, взялъ книгу, вспомнилъ, что не закрылъ ставень, опять всталъ и открылъ окно.

Дождь переставалъ или собирался опять пойти, но луна, уже перешедшая за башню, опять показалась.

Да, завтра!

Дѣйствительно, что будетъ завтра? Дождь или прекрасная погода, солнце или тоска на фонѣ декораціи?

«Глупый кинематографъ», еще разъ подумалъ онъ и опять вспомнилъ башмаки у дверей.

Книжка упала на полъ. Съ высокой кровати ея было не достать.

— Богъ съ ней. Спать! Завтра видно будетъ.

Глава II.

Верескову не особенно спалось. Всталъ онъ рано, раньше молодого блестящаго капитана драгунскаго полка, жившаго всегда въ гостиницѣ. Въ коридорѣ онъ встрѣтилъ вѣстового съ парой желтыхъ, хорошо начищенныхъ высокихъ сапогъ на колодкахъ.

«Такъ, такъ», чуть не сказалъ Вересковъ, «да здравствуетъ демократія, неси барину сапоги.»

И ему это показалось смѣшнымъ, какъ и торжественные сапоги въ рукахъ этого большого солдата, осторожно передвигавшаго свои большія ноги со шпорами, чтобы не разбудить тѣ «номера», гдѣ еще были выстроены туфельки и башмаки передъ дверями.

Внизу еще только убирали комнаты. Онъ вышелъ на улицу, купилъ мѣстныя газеты, поливавшія друга друга политической грязью, и пошелъ къ вокзалу.

Buvette de la Gare открывается раньше другихъ, и тамъ же можно купить табакъ и выпить кофе, тамъ же раньше другихъ можно получить газеты Парижа.

Онъ вдругъ вспомнилъ своего московскаго друга, дѣловаго человѣка, любившаго, какъ и онъ «погулять». Тотъ рассказывалъ ему, что старый лакей Англійскаго клуба, подливая ему шампанскаго изъ лишней, съ его точки зрѣнія, бутылки, почтительно шепталъ ему:

— То-ли вы дѣлаете, Иванъ Сергѣевичъ?

— То ли вы дѣлаете, Сергѣй Николаевичъ?.. спрашивалъ себя Вересковъ, идя по маленькимъ улицамъ. Какъ всегда, онъ остановился, чтобы полюбоваться на

маленькую рѣченку, бѣжавшую между домами. Подъ ихъ первымъ этажемъ были устроены какъ бы балкончики на уровнѣ чистой воды быстрой Вульзи, гдѣ гражданки Провэна, стоя на колѣняхъ, мыли бѣлье.

Какъ только вспомнилась Москва, вспомнилось и то, почему онъ сейчасъ въ Провэнъ...

Это было передъ войной. Въ то счастливое время, которымъ русскіе люди не дорожили и пропускали между пальцевъ, какъ будто такъ и нужно было, какъ будто эта рѣка безопасности никогда не могла изсякнуть.

Было время, когда Вересковъ съ необычайной вѣрой въ жизнь и въ свое счастье любилъ Москву, хотя и былъ кореннымъ петербуржцемъ.

— Въ Москву пріятно уже по одному тому ѣздить, что она лежитъ на Николаевской желѣзной дорогѣ — говорилъ онъ, подразнивая своихъ московскихъ друзей.

— Ну, а Петербургъ?

— Петербургъ другое дѣло, Николаевская дорога начинается въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ.

И вотъ въ своихъ дѣловыхъ поѣздкахъ онъ какъ то встрѣтилъ очень милаго нѣмецкаго москвича Франкенталя, фонъ Франкенталя, барона Франкенталя. Кто его знаетъ, былъ ли онъ просто Франкенталемъ или барономъ? Нѣкоторыя дѣвушки отъ «Яра» звали его «барошей», другія просто Франчикомъ, хотя онъ былъ не Франць, а Бернардъ Францевичъ Франкенталь. Черезъ всю правую щеку, немного задѣвая и ухо и носъ, шелъ благородный шрамъ, доказательство его честнаго студенчества. Сходились съ нимъ охотно и легко, даже съ кѣмъ-то онъ дрался на дуэли подъ Москвой, откуда вернулся пьяный со своимъ легко раненымъ противникомъ. Онъ былъ «въ дѣлахъ». И по шампанскому, и по большимъ электрическимъ обществамъ. Не чуждъ былъ и мелкихъ дѣлъ.

Когда въ «Эрмитажѣ» или «Прагѣ» онъ устраивалъ

дѣловые завтраки своимъ нѣмецкимъ патронамъ, громко смѣявшимся и пившимъ много водки, онъ, нашъ элегантный Франкенталь — съ нѣкоторой томностью въ глазахъ подходилъ къ столику своихъ русскихъ друзей и говорилъ: «Сегодня везу своихъ элефантовъ въ «Стрѣльну», пріѣзжайте.»

И, дѣйствительно, тогда подъ его руководствомъ элефанты гуляли, а «Франчикъ» уговаривалъ цыганокъ, венгерокъ, просто дѣвушекъ aus Riga «нажигать» своихъ патроновъ.

«Патроновъ не жалѣть», повторялъ онъ, уже многимъ надоѣвшую фразу.

И вотъ въ одинъ прекрасный день Вересковъ, пріѣхавъ въ «Эрмитажъ» послѣ долгой отлучки изъ Москвы, увидѣлъ барона, сидѣвшаго скромно за столикомъ съ очень хорошенькой брюнеткой. Это было потому удивительно, что Франкенталь, какъ честный нѣмецъ, терпѣть не могъ впутывать свои увлеченія въ свои дѣла, — а «Эрмитажъ» было чѣмъ то въ родѣ его конторы.

— Должно быть, сидитъ съ чужой дамой, — подумалъ Вересковъ, но въ это самое время къ нему подошелъ метръ д'отель Александръ Николаевичъ и разсѣялъ всѣ сомнѣнія.

Александръ Николаевичъ былъ необыкновенный человекъ. Былъ онъ строгъ и почитителенъ съ нѣкоторымъ оскорбительнымъ снисхожденіемъ. Вересковъ никогда не могъ забыть того, какъ разъ онъ благодарилъ его за прекрасно устроенный завтракъ, и какъ тотъ холодно, и не улыбаясь, отвѣтилъ: «наша фирма передъ вашими расходами не останавливается». За эту почти-тельную наглость его, вѣроятно, и любили.

Александръ Николаевичъ, подойдя къ столику, поправилъ салфетку, переставилъ на другой столъ бокаль съ цвѣткомъ, попробовалъ, хорошо ли, стоитъ столъ и, внутри сгорая отъ нетерпѣнія, склонившись и прикрываясь карточкой, почти прощенталь:

— Баронъ то нашъ,—милліонеръ и женился. Медовый мѣсяць справляетъ. Видѣли?

Франкенталь не видѣлъ Верескова и былъ занятъ разговоромъ со своей молодой женой. Она была очень хорошенькая, вороненькая, какъ мысленно сказалъ Вересковъ, съ немного птичьимъ профилемъ. Въ нѣскольکو пріемовъ Александръ Николаевичъ объяснилъ Верескову, что Франкенталь получилъ громадное наслѣдство, открылъ свое дѣло и на дняхъ женился въ Ригѣ на «этой барышнѣ».

Кто она, неизвѣстно. Одни говорятъ — шведка, другіе норвежка. «А я таки думаю, что не безъ еврея», добавилъ Александръ Николаевичъ.

Это показалось непріятнымъ Верескову, и онъ не сочувственно посмотрѣлъ на него.

— Что-жъ, Сергѣй Николаевичъ, — неожиданно сказалъ Александръ Николаевичъ съ каменнымъ лицомъ — всѣ подь Богомъ ходимъ.

Это было однимъ изъ трюковъ Александра Николаевича, и Вересковъ весело засмѣялся.

Впереди были бѣга. Погода была чудная, морозная, послѣ 2-хъ мѣсяцевъ заграницей и удачныхъ дней въ Питерѣ, послѣ прекрасной ночи въ вагонѣ, онъ чувствовалъ себя бодрымъ, веселымъ и искалъ, съ кѣмъ подѣлиться этимъ чувствомъ.

Недалеко отъ столика Франкенталья сидѣлъ его пріятель по Москвѣ, мрачный Туровѣровъ. Вересковъ пошелъ къ его столику.

Навстрѣчу къ нему поднялся немного взволнованный Франкенталь. Когда онъ волновался его прамъ дѣлался бѣлымъ.

— Вересковъ, я тебя представляю своей женѣ, — тихо сказалъ онъ — но я, честное слово, женатъ.

Вересковъ чуть не засмѣялся, но чтобы извести нѣм-

ца, сказалъ такъ же тихо: «ладно, ладно» и подошелъ къ очаровательной Франкенталь.

— Мой старый пріятель, Сережа Вересковъ, сказалъ онъ, — и какъ всѣ мой пріятели прекрасный и безпутный малый.

Вересковъ поцѣловалъ руку и замялся. Мадамъ Франкенталь смотрѣла на него молча, точно что то вспоминая. Она была совсѣмъ молоденькая, лѣтъ девятнадцати-двадцати, а Франкенталю было подѣ сорокъ. Кажалось, что ей немного жутко было среди всѣхъ этихъ взрослыхъ «милыхъ и безпутныхъ малыхъ».

Нѣсколько ненужныхъ словъ и поздравленій, и Вересковъ отошелъ къ Туровѣрову, и позвалъ его къ своему столу. Этотъ мрачный человѣкъ, который всегда посѣщалъ всѣ мѣста, гдѣ веселятся, зналъ все, что дѣлается въ Москвѣ, а Вересковъ за эти три мѣсяца совсѣмъ забылъ Москву.

Какъ всегда нехотя, не вынимая салфетки изъ за жилета, Туровѣровъ послѣдовалъ къ столику Верескова.

— Ну, рассказывай.

— Что?

— Кто съ кѣмъ живетъ? Кто съ кѣмъ разошелся? Какіе крахи, кто выигралъ и главное, съ кѣмъ теперь Катя?

— Все это глупо — отвѣчалъ Туровѣровъ. — Во первыхъ, Катя все время со своимъ евреемъ, и это слѣдовало бы знать, такъ какъ онъ купилъ ей дачу въ Петровскомъ паркѣ съ зимнимъ садомъ и фазанами.

— Какъ съ фазанами?

— Да. Зимній садъ и въ немъ клѣтка съ фазанами, бѣлыми и другими. Купилъ у Хитровыхъ, которые разорились, или тамъ что такое въ этомъ родѣ. Я живу... но это тебѣ не интересно.

Въ это время, любезно скользя, подходилъ Франкенталь.

— Сережа, поѣдемъ на бѣга, у меня ложа, и я хочу